

Больше внимания современной тематике

Для заключительной постановки в летнем сезоне 1946 года Воронежский драматический театр выбрал старинный пятиактный водевиль Д. Т. Ленского «Лев Гурыч Синичкин», отказавшись таким образом от новой попытки пополнить свой репертуар современной советской пьесой.

Мы вовсе не собираемся оспаривать сценические достоинства «Льва Гурыча Синичкина», они достаточно известны. Этот водевиль неслучайно пережил остальные обширное театральное наследие Д. Т. Ленского и его собратьев по перу — водевилистов первой половины XIX века, продержавшись на сцене более столетия.

Причина его долговечности не только в занимательности интриги, доходчивости и остроумии сценических положений, но прежде всего в бытовых подробностях, подчеркнутых из жизни русского провинциального театра, которыми насытил Д. Т. Ленский заимствованный им сюжет французской пьесы «Отец дебутанты». Театральная критика неоднократно отмечала, что переделка Д. Т. Ленского оказалась значительно лучше оригинала и что выведенные им типы приближают «Льва Гурыча Синичкина» к бытовой комедии, делая эту пьесу, так сказать, предшественницей пьес из театральной жизни А. П. Островского.

Отдавая должное «Льву Гурычу Синичкину», мы хотим, чтобы на упрек театру был понят правильно. Дело в том, что со стороны театра мы не видим последовательности в творческих поисках, постоянного стремления обогатить свой репертуар новыми пьесами, поднимающими вопросы духовной жизни, труда и быта советских людей.

Достаточно сказать, что за первое полугодие 1946 года Воронежский драматический театр поставил только две советские пьесы на современную нам тематику, причем

среди них не было ни одной советской комедии. А ведь как раз рецензируемый нами спектакль наглядно показывает, какими интересными и, к сожалению, недостаточно используемыми возможностями располагает коллектив театра в области комедийного жанра.

Во всей постановке «Льва Гурыча Синичкина» чувствуется, что и режиссер спектакля артист С. И. Ципов, и актеры, занятые в пьесе, и художник В. В. Старчаков, и постановщик танцев А. И. Вронский работали с тем хорошим творческим задором, в том тесном сотрудничестве, которые являются залогом успеха как ансамбля в целом, так и отдельных исполнителей.

Стремление к творческой самостоятельности, свойственное артисту А. П. Чернову, мы видим и в этом спектакле, где он ведет центральную роль. Хотя фигура Синичкина, являющаяся в конечном счете одним из волевых вариантов «бедного, но благородного отца», в достаточной мере традиционна, А. П. Чернов сумел внести некоторую свежесть в ее трактовку. Синичкин в изображении А. П. Чернова прежде всего очень жизнедеятелен, он скорее восторжен, чем сентиментален, и эта восторженность берет свое начало от искреннего и нелицеприятного преклонения перед высоким драматическим искусством. Он выходит победителем из затейливой им плутовской интриги не потому только, что добродетель и талант его дочери, как это положено в хороших водевилях, должны рано или поздно восторжествовать, но и потому, что он — простой человек — умнее, находчивей и дальновидней своих высокопоставленных противников, руководимых мелочными и низменными интересами.

Хорош в спектакле артист В. И. Шкурский, весело и непринужденно играющий роль князя Ветринского. Особенно следует выделить сцены

объяснения с Лизой (артистка Н. И. Самойлова) в первом акте, проведенные живо, со вкусом и в хорошем темпе. Это удача не только В. И. Шкурского, но и его партнерши.

Заслуженным является успех молодой артистки А. Л. Шлейпак в роли Раисы Мининны Сурмиловой. Впервые выступая на сцене в числе ведущих артистов спектакля, А. Л. Шлейпак хорошо справилась с ролью «провинциальной львицы», проведя эту роль живо, темпераментно и в то же время найдя для нее выразительные сатирические краски.

Роль провинциального драматического писателя Федора Семеновича Борзикова исполняет артист П. А. Маркин. Мы знаем П. А. Маркина как очень беспокойного, постоянно находящегося в творческих поисках комедийного актера. Образы, создаваемые им, как правило, необычны и зачастую спорны. Спорен и образ Борзикова своим неоправданно усложненным, несоответствующим водевильному персонажу психологическим рисунком. Наиболее характерна в этом отношении следующая сцена из третьего акта. Перед нами маленький, неряшливо одетый человек, в очках, с ежающимися на нос, с космами редких волос, падающих на воротник. Координация движений у него слегка нарушена. Он говорит медленно, с напряжением выговаривая слова, картавя, почти заикаясь. Весь его облик изобличает старого неудачника, давно привыкшего и к голоду, и к безденежью, и к мелочным уколам самолюбия. Он даже не вызывает к себе сочувствия, настолько он окарикатурен. И вдруг этот маленький, неловкий человек становится трогательно жалким. Он слышал похвалы своей пьесе. Должно быть, это случается так редко, что в первую минуту он растерян и не знает, шутят ли над ним или говорят всерьез. Но вот он поверил. Во всем его облике появляется что-то детское, доверчивое.

Он слушает, как читают его пьесу и забывает обо все на свете. Каждое слово ее дорого ему, выстрадано им. Слыша ее, он готов смеяться и плакать, как ребенок...

Скажем прямо, что эта сцена, несущая в себе что-то от чаплинских мотивов, сделана П. А. Маркиным по настоящему талантливо. Но спрашивается, какое отношение имеет она к подлинному Борзикову — бездарному, провинциальному драматическому из водевиля «Лев Гурыч Синичкин»?

Остальные действующие лица даны в обычных традиционных водевильных красках. Прочно всем своим волевым обликом врастает в спектакль провинциальный антрепренер Петр Петрович Пустославцев в исполнении артиста Н. А. Ефимова. Убедителен артист Д. И. Ленский, играющий графа Зефирова, менестреля, сластолюбца, рассматривающего женскую половину труппы, как свой гарем. Запоминается артист В. И. Концалов в эпизодической роли актера Николькина, считающего профанацией искусства то, что не ему, а его сопернику поручено изображать передние ноги бутафорского слона.

Живо, весело, показывая сценическую культуру, играют роли четырех танцовщиц молодые артистки Н. С. Зотова, Е. К. Шиткина, А. А. Солдатова и Ж. Д. Бондаренко.

Итак, спектакль сыгран. Он прошел легко, бездумно, весело. Где полагается, публика посмеялась, поаплодировала. Но вправе ли Воронежский драматический театр записать постановку «Льва Гурыча Синичкина» в свой актив? И не является ли выбор этой пьесы, где мастерство актера заранее связано условными рамками, где все так привычно и традиционно, лишней наименьшего сопротивления в работе театра, отходом от больших и серьезных творческих поисков в области современной нам тематики?

М. СЕРГЕЕНКО.

20 АВГ 46

НОМЕР 1 А

гор. Воронеж